

Аминева Эльвина Галлямовна

магистрант направления «Юриспруденция»
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
Институт государственной службы и
управления
Россия, Москва
ehlvina0990@gmail.com

Elvina G. Amineva

Post-graduate student
of the direction "Jurisprudence"
Russian academy of national economy and
public service under the President
of the Russian Federation
Institute of Public Service and Management
Russia, Moscow

**ПО СЛЕДАМ «СЕРЫХ ЗОН» ПРИ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ КОММЕРЧЕСКОМ
СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ**

Аннотация

Транснациональное суррогатное материнство – это процесс вынашивание ребенка женщиной в одной стране от имени лиц граждан в другой стране. Само понятие во многом определяется документами как международными, так и национальными. Из них документы, удостоверяющие личность, имеют особое значение, поскольку они устанавливают принадлежность ребенка, рожденного в результате такой договоренности, как его родителям (свидетельство о рождении), так и стране (паспорт). Однако получение этих документов регулируется национальными законами, которые могут противоречить друг другу в транснациональных условиях, в которых участвуют граждане более чем одной страны. В результате за последние несколько лет были случаи, когда дети застряли в зоне «серого права» без четкого отцовства и гражданства. Опираясь на этнографические исследования в Индии и Германии, мы анализируем, как в такой транснациональной среде нормативные акты и документация становятся частью создания и уничтожения людей и принадлежности.

Ключевые слова:

репродуктивные технологии, опекунство,
суррогатное материнство

**IN THE FOOTSTEPS OF THE "GRAY AREAS"
IN TRANSNATIONAL COMMERCIAL
SURROGACY**

Abstract

Transnational surrogacy is the process of carrying a child by a woman in one country on behalf of citizens in another country. The concept itself is largely determined by international and national documents. Of these, identity documents are of particular importance as they establish the identity of the child born as a result of such an arrangement, both to his parents (birth certificate) and to the country (passport). However, obtaining these documents is subject to national laws, which may conflict in transnational settings involving citizens of more than one country. As a result, over the past few years there have been cases where children have been stuck in a legal limbo with no clear paternity and citizenship. Based on ethnographic studies in India and Germany, we analyze how, in such a transnational environment, regulations and documentation become part of the creation and destruction of people and belonging.

Keywords:

reproductive technologies, guardianship, surrogate
motherhood

Суррогатное материнство, вынашивание ребенка женщиной («гестационный курьер» или «суррогатная мать») для других («предполагаемых родителей») во многих случаях происходит транснациональной арене. Предполагаемые родители обращаются за услугами суррогатного материнства за границу по разным причинам, в первую очередь из-за ограничительных законов и правил, действующих в своей стране [8] и сильно различающихся затрат, с клиниками и агентствами в некоторых

странах (например, в Индии) [12]. В свою очередь Украина [14] и Мексика [6] предлагают услуги гестационного курьера за небольшую стоимость в отличие от других стран (например, Калифорния) [9]. Однако феномен рождения детей в результате суррогатного материнства в одной стране от предполагаемых родителей, являющихся гражданами другой страны, привел к судебным разбирательствам и новым вызовам в отношении получения статуса родителей и гражданства для «детей на заказ», чего многие страны и предполагаемые родители не предвидели.

Транснациональное коммерческое суррогатное материнство уже более десяти лет является предметом научных и этнографических исследований. В то время как суррогатная мать и ее роды продолжают влиять на фундаментальные научные исследования, предполагаемые родители и их действия по установлению и прекращению родства влияют на меньшую часть литературы. В подобного рода литературе основное внимание уделяется созданию «матерей», приписыванию генетического отцовства предполагаемым родителям и обсуждению статуса родителей в отношении однополых семей.

Однако статус самого ребенка, рожденного с применением услуг гестационного курьера, долгое время находился за бортом социологических и правовых исследований, главным образом из-за того, что основное внимание сосредоточивали на зачатии, беременности и статусе родителей. То же самое можно сказать об относительном отсутствии долгосрочных исследований по тому, как предполагаемые родители преподносят информацию о факте их рождения своим суррогатным детям. В отличие от этого, в ходе переговоров в рамках Гаагской конвенции о международном усыновлении, вопрос по праву на идентичность ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства, ставится ключевой темой исследований. По итогу столкновения стран с разными взглядами на суррогатное материнство, по факту рождения детей с применением услуг гестационных курьеров, граждан другой страны, и возникновением проблем с получением гражданства детей, рожденных в транснациональных странах, вопрос по фундаментальному изучению транснационального коммерческого суррогатного материнства стал важным предметом исследований. Но когда дело доходит до определения принадлежности ребенка к какой-либо стране, мало что было сказано о роли, которую играют, с одной стороны, врачи и персонал агентств, принимающих участие при транснациональном суррогатном материнстве, а с другой стороны, адвокаты, регистраторы и судьи.

Транснациональное суррогатное материнство со зависима от документов, без которых оно не могло бы существовать в его нынешнем виде. В этот список входит:

- 1) контракты предполагаемых родителей с агентствами и суррогатной матерью, клиниками и лабораториями для проведения медицинских анализов;
- 2) банковские выписки;
- 3) документы, удостоверяющие личность родителей;
- 4) свидетельства о рождении и паспорт ребенка или детей, о которых идет речь.

В частности, последние два документа, чаще всего являются действительными только в своей физической форме «как вещи» [1], что делает их материальными объектами не только с абстрактными, цифровыми технологиями, но и с физическими, которые соединяют разные места и людей.

Документы, в особенности, удостоверяющие личность, в их физической форме можно понимать, как «информация – вещь», согласно утверждению профессора Бакленд [1] – они осязаемы (напечатаны на бумаге) и представляют собой событие (рождение ребенка), а также знание (о связи этого ребенка с конкретными людьми и страной). Соответственно, документы, удостоверяющие личность, являются средством передачи информации [1] и, таким образом, неразрывно связаны с предоставлением гражданства и права на идентичность. Хотя данные документы касаются каждого новорожденного, вопрос по их предоставлению и оформлению становится актуальным в ситуациях, когда мы говорим о таких хрупких и сложных схемах, как гестационное суррогатное материнство, в котором часто участвуют не только предполагаемый(е) родитель(и) и суррогатная мать, но и третьи лица (доноры гамет или эмбрионов), а также при обстоятельствах, когда воспроизведение последних может происходить в нескольких странах или даже на разных континентах. Следовательно, оформление документов, под которым мы понимаем процесс обработки документов, например, их подача или выдача, является неотъемлемым элементом транснациональных коммерческих соглашений о суррогатном материнстве, поскольку устанавливаются права предполагаемых родителей и, в свою очередь, передача ребенка законным родителям. В то же время в Индии установление отношений между предполагаемыми родителями и их ребенком или детьми, рожденными посредством суррогатного материнства, возможно путем отказа от родительских прав суррогатными и анонимными донорами. Соответственно, разрыв отношений (между донорами, гестационными курьерами и ребенком или детьми, рожденными при использовании их

услуг) необходим для облегчения новых правоотношений между предполагаемыми родителями и их ребенком или детьми. Эти два правоотношения не могут существовать вместе, только путем разрыва и смены одного другим.

Право на идентичность, таким образом, тесно переплетена с обработкой документов. Вся эта бумажная волокита, для получения легитимности от государства свидетельствуют о «материальности бюрократии», как утверждают Карсвелл и Де Нев [3]. В случае транснационального коммерческого суррогатного материнства гражданство является «возникающим», а не «статическим» и «само собой разумеющимся», представляя собой процесс, который требует постоянных переговоров и участия» [3].

Во многих случаях транснационального усыновления и суррогатного материнства предполагаемые/приемные родители из Глобального Севера ищут детей из Глобального Юга, хотя они также зависят от бюрократии в последних странах, для облегчения получения права на статус родителей. Не стоит забывать, то именно судьи принимают решение о том, какие именно документы должны быть представлены на суде [13]. Именно они являются ключевым звеном по обработке самих документов. Однако, нельзя не отметить тот факт, что процесс рассмотрения дел по транснациональному суррогатному материнству мало чем отличается в тех случаях, когда соответствующие документы отсутствовали.

Основные документы при транснациональном суррогатном материнстве

Рассмотрим его на примере Индии и Германии. В транснациональных соглашениях о суррогатном материнстве, в которых участвуют предполагаемые родители из Германии и суррогатные матери из Индии, три документа играют центральную роль в установлении права на идентичность: свидетельство о рождении, паспорт и так называемый «документ об отказе».

Возможно, самым важным из них является свидетельство о рождении, которое «задним числом определяет факт рождения, как правовое признание» [17], тем самым делая факт рождения юридически «реальным». Несмотря на то, что ребенок «действительно» родился и присутствует физически, без свидетельства о рождении, он находится в правовой неопределенности (он и не несуществующее, но и не полностью существующее звено в правовом поле). Этот «промежуточный» статус [2] также означает, что у него пока нет законных родственников, поскольку свидетельство о рождении не только служит доказательством рождения, но и

устанавливает юридическую связь между ребенком и его родителями. Соответственно, свидетельство о рождении дает правовой статус не только для ребенка, но и для родителей. Данный факт отображается путем указания имен родителей (или родителя), вместе с именем ребенка, местом и датой его рождения в свидетельствах о рождении как в Индии, так и в Германии.

Независимо от конкретных национальных правил, касающихся предоставления гражданства – будь то по праву крови или по праву рождения — приобретение лицом гражданства обычно совпадает с признанием рождения физического лица (например, в форме свидетельства о рождении, которое указывает имена родителей и место их рождения). Таким образом, два вида принадлежности – родство и гражданство – тесно переплетаются, путем оформления свидетельств о рождении, а затем и паспорта.

В случае суррогатного материнства в Индии важным предварительным условием для получения как свидетельства о рождении, так и паспорта является еще один тип документации, а именно «документ об отказе», согласно которому суррогатная мать официально отказывается от прав на ребенка. В случаях, когда суррогатная мать состоит в браке, в этом документе есть дополнительный скрытый элемент: отказ ее мужа от ребенка, поскольку узы брака по закону отводят ему роль отца. Кроме того, суррогатной матери также необходимо подписанное согласие ее мужа и / или его родственников при заключении соглашения о суррогатном материнстве, что делает мужа важным (хотя и скрытым) элементом критериев приемлемости ее по предоставлению услуг в качестве гестационного курьера. Однако, как показывает практика, данное правило легко обходят вдовы и разведенные женщины, т.к. часто также фигурируют в договорах о суррогатном материнстве.

Запутанные формы принадлежности: родство и гражданство в транснациональном суррогатном материнстве

В большинстве исследований по праву на идентичности и принадлежности при гестационном суррогатном материнстве преобладают вопросы отцовства и родства [4]. Однако и без того сложный вопрос по статусу родителей в суррогатном материнстве еще более усложняется в транснациональных соглашениях проблемами и несоответствиями, связанными с предоставлением гражданства детям, рожденным в результате этого соглашения, в различных национальных юрисдикциях. Предполагаемые родители считаются законными родителями ребенка в таких юрисдикциях, как на Украине [5], в то время как в других странах, в том числе в Индии

[15], отцовство не всегда легко устанавливается, и суррогатное материнство рассматривается по-разному в каждом конкретном случае. В таких странах, как Германия и Швейцария, напротив, материнство устанавливается через сам акт родов, и поэтому суррогатная мать признается «матерью» ребенка, а ее муж — отцом. В данном случае именно «намерение» предоставляет ей статус матери, и он основан на римском правовом принципе *mater semper certa est* («мать всегда достоверно известна») — биологический подход, определяющий материнство посредством беременности и рождения (но не через генетику, то есть яйцеклетку). Отец в этом контексте приобретает статус по «социальному» признаку, поскольку как принято именно муж биологической матери считается отцом, независимо от его фактической генетической связи с ребенком. Если биологическая мать не замужем, правовые системы, такие как в Германии, считают отцом ребенка любого мужчину, признающего отцовство, — опять же, независимо от генетической связи.

Второе важное различие между правовыми системами, играющее важную роль в транснациональных соглашениях о суррогатном материнстве, заключается в способе предоставления гражданства. Двумя основными понятиями являются *jus soli* («право земли»), предоставление гражданства на основании территории рождения (как это делается, например, в Соединенных Штатах, Канаде и большинстве штатов Центральной и Южной Америки), и *jus sanguinis* («право крови»), предоставление гражданства на основе гражданства родителей (например, в Германии, Израиле и Таиланде). Таким образом, человек, родившийся на территории США, становится гражданином США по факту его рождения на территории страны, в то время как (за некоторыми исключениями) ребенок, рожденный у пары, где хотя бы один из супругов имеет немецкое гражданство, претендует на гражданство ФРГ.

Таким образом, транснациональные механизмы суррогатного материнства подвержены трениям и несоответствиям между правовыми подходами, обнажая некоторые недостатки таких механизмов и создавая новые уязвимые точки, особенно для суррогатных матерей, детей и их предполагаемых родителей. Кроме того, как показывает сравнение между Индией и Германией, стратификация существует не только на микроуровне, включая суррогатных матерей и предполагаемых родителей. Проблемы наблюдаются и на национальном уровне, когда такие страны, как Индия, вынуждены иметь дело с детьми, которые застряли в правовой неопределенности: хотя дети физически присутствуют на территории Индии, но они не могут выехать из-

за отсутствия правового регулирования вопроса. Тем временем такие страны, как Германия, могут легко отречься от таких детей, пока их «привратники» (в лице консульских работников и послов) отказываются выдавать документы, которые позволили бы им поехать в Германию и стать законными гражданами этой страны.

Хотя в настоящее время Индия закрыла свои двери для иностранцев, стремящихся воспользоваться услугами суррогатной матери, на глобальном рынке появились новые и часто юридически неопределенные центры репродукции [7] и «репронубы» (малоизвестные центры, предлагающие сомнительные трансграничные услуги гестационного курьера или услуги суррогатного материнства для регионального рынка). Более того, чтобы обойти или принять юридические разногласия, суррогатное материнство стало гибридизированным [16] и раздробленным, приняв изменчивую форму [11]: с донорскими гаметами из одной страны, и проведенным ЭКО в другой, суррогатные матери путешествуют между странами с разными правовыми нормами, а дети рождаются уже в третьей стране. В этих глобальных условиях, которые недавно были серьезно нарушены из-за пандемии COVID-19 [10], траектории документов становятся все более извилистыми, включая несколько стран с различным законодательством. Еще неизвестно, как эти события повлияют на суррогатных родителей, детей и предполагаемых родителей в транснациональных соглашениях о суррогатном материнстве в долгосрочной перспективе и в постпандемическое время.

Список использованных источников

1. Buckland, MK (1991) Information as thing. *Journal of the American Society for Information Science* 42(5): 351–360.
2. Carsten, J (1991) Children in between: Fostering and the process of kinship on Pulau Langkawi, Malaysia. *Man* 26(3): 425–443.
3. Carswell, G, De Neve, G (2020) Paperwork, patronage, and citizenship: The materiality of everyday interactions with bureaucracy in Tamil Nadu, India. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 26(3): 495–514.
4. Deomampo, D (2016) *Transnational Reproduction: Race, Kinship, and Commercial Surrogacy in India*. New York: New York University Press.
5. Guseva, A (2020) Scandals, morality wars, and the field of reproductive surrogacy in Ukraine. *Economic Sociology: The European Electronic Newsletter* 21(3): 4–10

6. Hovav, A (2019) Producing moral palatability in the Mexican surrogacy market. *Gender & Society* 33: 273–295.
7. Inhorn, MC (2015) *Cosmopolitan Conceptions: IVF Sojourns in Global Dubai*. Durham, NC; London: Duke University Press.
8. König, A (2018) Parents on the move: German intended parents' experiences with transnational surrogacy. In: Mitra, S, Schicktanz, S, Patel, T (eds) *Cross-Cultural Comparisons on Surrogacy and Egg Donation: Interdisciplinary Perspectives from India, Germany and Israel*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 277–299.
9. König, A (2020) Die Erfahrungen deutscher und schweizerischer Wunscheltern mit Leihmutterschaft in den USA. In: Beier, K, Brügge, C, Thorn, P, et al. (eds) *Assistierte Reproduktion mit Hilfe Dritter: Medizin—Ethik—Psychologie—Recht*. Berlin: Springer, pp. 243–255.
10. König, A, Jacobson, H, Majumdar, A (2020) "Pandemic disruptions" in surrogacy arrangements in Germany, U.S.A., and India during COVID-19
11. König, A, Jacobson, H (2021) Reproweb: A conceptual approach to elasticity and change in the global assisted reproduction industry. *Biosocieties* 107: 2411–2502.
12. Majumdar, A (2017) *Transnational Commercial Surrogacy and the (Un)making of Kin in India*. New Delhi, India: Oxford University Press.
13. Maunaguru, S (2013) Transnational marriages: Documents, wedding photos, photographers and Jaffna Tamil marriages. In: Kaur, R, Palriwala, R (eds) *Marrying in South Asia*. New Delhi, India: Orient Blackswan, pp. 253–270.
14. Siegl, V (2018) *Fragile truths: The ethical labour of doing trans-/national surrogacy in Russia and Ukraine*. PhD Thesis, University of Bern, Bern.
15. Smerdon, UR (2012) Birth registration and citizenship rights of surrogate babies born in India. *Contemporary South Asia* 20(3): 341–358.
16. Whittaker, A (2018) *International Surrogacy as Disruptive Industry in Southeast Asia*. New Brunswick, NJ; Camden, NJ; Newark, NJ; London: Rutgers University Press.
17. Yngvesson, B (2010) *Belonging in an Adopted World: Race, Identity, and Transnational Adoption*. Chicago, IL: University of Chicago Press.